

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Ф 86

Соня Фрейм
СКВОЗЬ ОБЪЕКТИВ

Иллюстрация на обложке *Анны Тучиной*

Фрейм Соня.

Ф 86 Сквозь объектив: [роман] / Соня Фрейм. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-17-112072-6

Марина отправилась в Амстердам, чтобы отдохнуть в любимом городе, но внезапно оказалась похищена загадочным незнакомцем по имени Кай. Девушка готовилась к самому худшему, но не ожидала, что Кай заставит ее участвовать в странном творческом эксперименте, целью которого было поймать ее душу...

На что готов пойти Кай, чтобы воплотить свою безумную идею? И способна ли Марина выдержать испытание, которое навсегда ее изменит?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-112072-6

© Соня Фрейм, 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*I'll describe the way I feel
Weeping wounds that never heal
Can this savior be for real
Or are you just my seventh seal?*

*Я опишу, как я себя чувствую,
Кровоточащие раны,
Которые никогда не исцелятся.
Неужели ты и есть мой спаситель?
Или же ты моя седьмая печать?¹*

Пlacebo «Special K»

¹ Седьмая печать (также известна как седьмая печать апокалипсиса) — последняя из семи печатей, снятие которых в Откровении Иоанна Богослова является одним из знамений конца света.

Пролог

«...Эта девушка среди толпы сразу притягивает к себе взор. Большие стрекозиные очки вызывающе сдвинуты на самый кончик носа. Скучающий взгляд оценивающе блуждает по людям и улицам, но не видит их.

Кто она, эта незнакомка? Она не рождена из морской пены — то была другая девушка, из другой истории. Эта же скроена из фрагментов модных журналов, но ее нет на обложках. Она как гремучий коллаж с Tumblr¹ — немного безвкусный, но притягательный в деталях.

Давайте угадаем, из чего она сделана. Она соткана из брендов, воспитана на интернет-пабликах. В кармане лакричный Fisherman's Friend². Очередная кофейная раздолбайка, которая предпочитает эмоджи словам. У нее дорогие шмотки, капризный характер и пустое сердце. Ее зовут Марина...»

* * *

— Ну и как?

— Да, впечатляет. Особенно про безвкусицу и пустое сердце. И про эмоджи вместо мозгов.

¹ Сайт микроблогов, состоящих преимущественно из картинок.

² Освежающие конфеты.

— Эй-эй, не принимай буквально. Это игра образов. В тебе есть такая дешевая нотка. Но это комплимент. Твоя фишка. Я вижу ее в твоих волочащихся нарядах, в манере себя вести... А самое главное — тебе на это плевать. Гранжево. Очень.

— Ладно, оправдался. А почему у меня капризный характер?

— Потому что ты избалованная девочка с властными замашками и дурными привычками.

— У меня только одна дурная привычка — надкусывать яблоки и бросать их.

— И это еще одна капля в твой образ.

— А сердце почему у меня пустое?

— А ты загляни внутрь — узнаешь.

— Ты, типа, крутой психолог? Знаешь, у кого какая начинка?

— А вот об этом я тебе расскажу в следующем эпизоде.

— Так и быть, я заинтригована.

* * *

Я не люблю слушать о себе.

Пугает, когда некоторые люди знают о тебе больше, чем ты сам. Тогда я в полной мере понимаю, что слова оставляют самые глубокие шрамы. Они превращаются в лезвие. Чем оно острее, тем неуловимее его прикосновение, и после кажется, что боль появилась раньше, чем тебя ранили.

Еще меньше я люблю говорить о себе сама.

Пролог

Хотя иногда чувствую смутную потребность и ищу слушателя. Так ловишь случайных знакомых, вешаешь ненужную информацию на обслуживающий персонал, философствуешь с бездомными и алкашами... Ищешь священника, психолога или лучшего друга. Каждый думает, что однажды найдет того особенного, кто поймет его молча и в кого сможет влить все свои тайны, страхи и невысказанные слова.

Но таких людей не бывает. Потому что чужая жизнь в больших дозах — словно смертельная инъекция. Все ищут, в кого бы ее вколоть, но никто не хочет подставить свои вены.

Я выросла с убеждением, что этот мир не для тех, кто ищет собеседников. И не для тех, кто хочет выбраться из лабиринта кривых зеркал, состоящих из многих мнимых «я». Возможно, мы все бродим по жизни в странных клише и однажды сродняемся с ними.

Я терпима к клише. Они упрощают ожидания друг от друга.

Открыться можно только тому, кто будет беззащитен перед тобой так же, как и ты перед ним. Тогда слова перестанут быть ножами, а разговор — безжалостной дуэлью. Если бы у меня действительно была потребность делиться с людьми истинными мыслями, то Макс смог бы добавить в свое повествование что-то еще, кроме «у нее дорогие шмотки, капризный характер и пустое сердце». Но, откровенно говоря, меня не очень волнует его писанина — хотя в ней иногда и проскальзывают занятные моменты.

Поэтому я промолчу. Пускай будет капризный характер. Пускай останется пустое сердце.

С Максом

— Я хочу писать только о роскошной жизни, — поделился Макс.

Он сообщил это в солнечный апрельский полдень, один из таких, когда небо обрушивается бездонной голубизной, а ветер притрагивается к коже словно крылья бабочек. Весенний воздух дурманил людей, стоило им только высунуться в форточку.

Но погода в Риге стояла еще прохладная, и балкон нашей с Максом кофейни пустовал. Да и в такой ветреный день велик риск, что чай из чашки окажется на лице. Однако мы всегда были сторонниками выпендрежа — и море нам по колено, и ветер нас не сдует. Поэтому сидели снаружи и, как невинные дети, потягивали молочный коктейль, оправдывая имидж кофейных раздолбаев, с которых он начал свою книгу.

Периодически он внимательно глядел на меня — а я смотрела, как лопаются пузыри в стакане. Мои темные очки сползли на кончик носа и грозились упасть прямо в бокал. Слегка приподняв их, я продолжила свое увлекательное наблюдение. Но прокомментировать его заявление как-то надо было.

— Недаром говорят: пиши о том, что ты хорошо знаешь.

— Да нет же, — слегка нахмурился он. — Просто пороки, которые расцветают в этой среде, наиболее интересны для изучения.

— Ты помешан на эстетике греха, — хмыкнула я.

— Ну и что? Самое интересное — это люди. Такие, как ты.

Я прикусила трубочку от коктейля и наградила Макса скептическим прищуром. Его длинные соломенные волосы были в легком беспорядке из-за ветра, и периодически он небрежно проводил по ним растопыренной пятерней.

«Велла: вы великолепны», — почему-то пронеслось в моей голове.

Поймав мой изучающий взгляд, он поинтересовался:

— Что-то не так?

— У тебя майонез на подбородке, — сообщила я.

Макс тут же нервно провел по лицу салфеткой, но опомнился и буркнул:

— Мы же не брали ничего кроме коктейля.

Я подавила ухмылку. Попался, как всегда. Все, что касалось внешности, он воспринимал с обостренной серьезностью. Мне нравилось его на этом периодически подлавливать.

— Шутка, друг мой. Не дуйся.

— Глупая шутка, Марина, — проворчал он и, подперев голову руками, произнес: — Вечно ты увливаешь. Давай вернемся к тебе, раз ты будешь героиней. Опиши мне себя.

— Зачем? — Правая бровь сама вздернулась. — Ты, по-моему, и так неплохо справлялся.

— Я хочу увидеть мир твоими глазами. Это добавит реалистичности моему роману.

Мне хотелось его спросить, зачем писать о человеке, в чью шкуру не можешь влезть, даже напрягая воображение, но вместо этого я попыталась спонтанно ответить на его вопрос:

— Марина хорошо умеет спать, врать и тратить деньги. Деньги ей дает папа, чтобы она нашла себя в чем-то кроме первых двух занятий.

Макс хмыкнул и покачал головой:

— Ты всячески стараешься показать, что все, что у тебя имеется, — это заслуга твоего отца. Самоирония, отлично! Но почему?

— М-м-м, я папина дочка, — с туманной улыбкой возвестила я.

Между тем папочку я не видела уже месяц, а последняя встреча прошла под его вечное: «Я занят, у меня завтра срочный вылет!». Но сказать что-то надо было. Что-то вместо правды.

— Ты хорошо сочетаешь в себе избалованность и сознательность.

«Что еще ты готов придумать обо мне, чтобы стать ближе?» — пронеслось в голове.

Я откинулась на спинку стула и беззаботно улыбнулась, глядя на безупречную гладь неба. Всегда почему-то цепенею перед его бесконечной пустотой. Мне кажется, что только там, наверху, сосредоточена истинная красота.

Макс, в общем-то, счастливый человек. Ему не требуется слушатель. Он продолжил самозабвенно болтать

о своей писанине, и я туманно кивала. Затем он переключился на знакомую нам тусовку. Зонтики мерно покачивались в такт ветру, а указательный палец сам собой начал отстукивать по крышке стола какой-то ритм... Так бывает всегда, когда мне становится скучно.

В голове окончательно выкристаллизовалась мысль, которую я вынашивала последнюю неделю.

— ...Она фотает себя в туалете «Ритца», чтобы все думали, что это, типа, ее хата, — небрежно пересказывал он что-то. — Потом выяснилось, что у нее там просто подруга на ресепшн, да еще и полотенце с логотипом сдуру засветила и спалилась... Я всегда говорил, что она дешевка, но меня не слушали...

— Макс, поехали в Амстердам, — перебила его я.

— Когда? — опешил он, не ожидая такого предложения.

Глаза его непроизвольно вылезли на лоб, который собрался в недоуменную гармошку. Мысленно он, похоже, все еще расследовал дело дешевок в отеле «Ритц», и мое предложение упало как снег ему на голову.

— На этой неделе, — бросила я.

Он побуравил меня исподлобья и слегка неуверенно уточнил:

— На этой?

— Ну да, — кивнула я. — А чего ждать?

— Да, но... — возмущенно начал он. — У меня университет, у тебя школа, да еще надо собраться... А потом, родители...

— Как будто ты у них обычно отпрашиваешься, — хмыкнула я. — Неделями домой не звонишь. Ну, ты со мной?

— Подожди, — отчеканил он, притормаживающе подняв руки. — Давай разбираться. С чего это ты вдруг захотела...

Манера Макса подвисать на деталях бесила, но его астрологическим диагнозом была Дева, а пожизненным — тормоз.

— Да просто так! — раздраженно воскликнула я. — Не хочешь — можешь не ехать. Я привыкла путешествовать одна.

— Нет, я не могу тебя оставить, — рассеянно произнес он. — Просто... это все как-то неожиданно.

Лицо непроизвольно поехало от зевка, который не удалось подавить. Стоило поставить его перед фактом, как в нем тут же проскальзывала скучная суетливость. «Почему в людях так мало спонтанности?» — часто размышляла я. Но относительно Макса я была уверена в одном: если на него надавить, он будет ныть, читать нотации, но сделает что надо. А еще в этот раз мне не хотелось лететь в одиночестве. Да и друзей я никогда не выбирала.

— Марина... — Он грустно на меня посмотрел и укоризненно сказал: — Это несерьезно.

— Ты уже согласен, — поняла я.

* * *

Если честно, я до сих пор не понимаю, откуда взялся Макс. В какой-то момент я обнаружила, что рядом со мной идет высокий атлетичный блондин с влажноватым щеня-

чьим взглядом. Кажется, мы познакомились на очередной бесперспективной вечеринке. Я удачно притягивала к себе странных незнакомцев.

Помню только, как он возник передо мной в потоке пляшущего света. Я сидела за стойкой бара и была уже довольно пьяна. До этого я познавала пределы неловкого молчания с каким-то другим парнем, который успешно смылся. Соображала я слабо — казалось, что алкоголь уже давно заменил кровь в венах. Но этот вечер оставалось спасать только бесплатной выпивкой на чужом празднике.

Музыка то глохла, то била по ушам, и я с пьяной проницательностью размышляла, что иногда жизнь похожа на карусель. Если слишком долго на ней кататься, тебя стошнит. Вообще-то я даже не была старухой. Мне только исполнилось восемнадцать, но когда чувствуешь себя погано, всегда стареешь лет на сто. Жалко только, что не умнеешь.

— Эй, ты в порядке, милая?

— Милая? — с трудом выдавила я. — Ты вообще кто?

Мелькнули сочувствующие голубые глаза, и кто-то мягко оторвал меня от стола и усадил прямо.

— Я, возможно, твой ангел-хранитель, — заговорщицки шепнул незнакомец.

— Хреновый способ знакомиться, — выдавила я и скользнула с кресла.

Происходящее дальше я помню слабо, но Макс, как лучшая подружка, держал мне волосы, пока я блевала в унитаз следующие минут десять. С тех пор он всегда был рядом, даже когда его об этом не просили, держал не